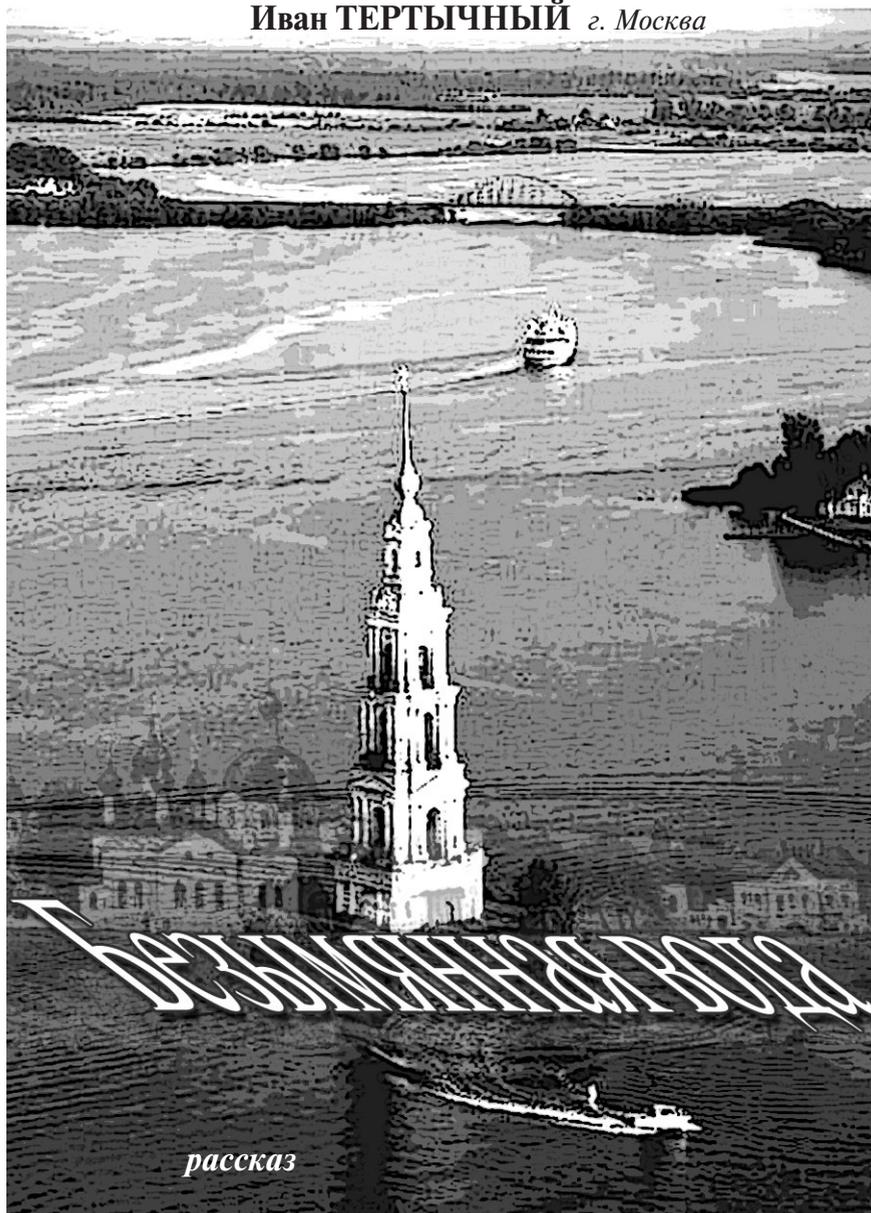

Иван ТЕРТЫЧНЫЙ г. Москва

рассказ

«Что-то тут не так... Что-то тут не так...» — думал он, неторопливо шагая по низкорослым улицам старинного русского городка. Шёл он наугад, не раздумывая, сворачивая вдруг влево или вправо или устремляясь с изрядно потрёпанной асфальтовой дороги на мягкую травку какого-нибудь тишайшего переулка. Вокруг было довольно пустынно, хотя уже наступил полдень: два-три-пять отдалённых прохожих да там-сям возникающие из

ниоткуда простенькие автомашины... Шёл он наугад, но чувствовал, что движется в нужном ему направлении. И точно: слабое веяние влажного воздуха достигло его лица. Значит, где-то там, впереди, Волга — великая русская река.

Извилистый путь Букину был необходим; он хотел сам, без чьих-то подсказок, понять нрав и облик старинного городка, связать их воедино, чтобы составил его цельный образ, чтобы потом в родном Воронеже он мог оглядывать его со всех сторон, вспоминать его особенные черты и чёрточки, его дневной и вечерний свет, его звуки... думать над ним.

Собственно, смутили его в первые минуты пребывания в городке не принакрытое серыми облаками небо, не улицы, их общий вид: к названному ум и душа претензий не имели. Погода в русской стороне переменчива: были тучки или дождик, глядь, уже сияет солнышко. Бревенчатые дома и домишки хоть и приземисты, но крепки да изукрашены подзорами и

наличниками. Сады кудрявы и пышны. Да и улицы — опять же — не стеснены, лежат вольно...

Смутила его с самого начала в общем-то малость: сбоку старенькой автостанции лежала куча современного мусора — пластиковые бутылки, пивные банки, пакеты из-под сока и прочая украшенная яркими пятнами этикеток и надписей бяка, — а рядом, в трёх-четырёх шагах от неё, приютилась небольшая стоянка такси, где, сой-

1

Никогда их отпуска не совпадали, в лучшем случае пересекались на недельку, и в такой малый срок они могли наконец-то побродить по окрестным полям и перелескам, посидеть в ложине у родника или у костерка в углу дачного участка. А в этом году им выпала удача: впервые за двадцать два года совместной жизни они — в разгар лета! — отправились на привычный отдых вдвоём, ну а если точнее, втроём.

Третьим был пёс Альт.

В прежние годы Альт, тоже исконный любитель вольных просторов, большей частью сопровождал кому-то одному — или Любе, жене, или ему, Валерию. И всё же Альт, радуясь и такому раскладу, чуточку грустил. В выходные же дни, когда стая (по его, собачьему, понятию) воссоединялась, Альт преображался и глаза его светились тихим ликованием.

... Вот он, положив голову на вытянутые лапы, сладко подрёмывает на зелёной скамейке под каштаном... А вот на красных плитках дорожки появляется Она. Альт Её сразу учуял; он дремлет, но трепетные его ноздри и уши не спят. Веки поднимаются, и глаза сопровождают Её до самого цветника. А вот из-за угла бани появляется Он. Он идёт по той же красной дорожке к дому. Полуприкрытые глаза сопровождают теперь Его. Альт встаёт, встряхивается и меняет позицию — уходит на веранду. Но и оттуда, из-за стекла, с высокого кресла, он отслеживает все перемещения по участку — и Его, и Её, и пронырливой соседской кошки. В будничной жизни он их, кошек, котов, ежей, не замечает, они ему ни к чему. Но в такой-то день (когда стая в сборе) — извините... Альт вылетает с лаем из своего укрытия — и кошка мигом исчезает под забором. Да что там кошка! Достается своя звонкая порция лая и доброму его знакомцу, соседу, посмевавшему проехать на велосипеде мимо ворот — в такой-то день!

2

В начальные отпускные дни Альту исполнилось восемнадцать лет. Он уже года два назад заметно постарел. С сочувственной болью они смотрели, как Альт совсем уж бережно, почти робко берёт с ладони праздничное угощение — кусочки шоколада, тщательно пережевывая левым рядом зубов, правые же повалились подгнившим заборцем, и оттого губа оттопырилась и надулась, будто Альт на них, на своих, малость обиделся. Хотя и кажется крепким его небольшое чёрное тело, тронутое там и сям сединою, хотя вроде и быстры в случайном радостном беге его лапы, но уже нет у него, судя по поведению, былой остроты зрения и слуха, и не пойдёшь безоглядно кружить с ним по полям да перелескам, да оврагам. Семенит за Валерой, семенит за Любой след в след, будто ма-

беззащитное существо и попросила Редкова отдать его им; мол, она отдаст денька через два или три кому-нибудь из знакомых — в добрые руки.

Прошла неделя, потом — другая... «Добрых рук» среди знакомых не оказалось, а вот они сами к щенку-увальню незаметно привыкли. Альтом же щенок стал из-за своего звончатого голоса. Охотничьим псом, даже «мелкотравчатым», Альт, ясное дело, не стал, поскольку охотников в доме не было, а вот семейный климат явно умягчал и, может быть, даже облагораживал. К примеру, бытовые стычки, большие или малые, пресекал на корню резким лаем или требованием ласки и внимания к себе, то есть сплывал стаю. Так Альт стал для Любочки и Валеры вроде младшего братишки или...

4

Умер Альт тихо, ничем, кажется, не нарушив их летнего сна.

Повозился, как обычно, укладываясь спать на своём коврикe, потом (Любовь вроде слышала) глубоко вздохнул... А ночью, мягко вспрыгнув на диван, втиснулся между ними. Видимо, его познабливало. Когда же его тело успокоилось от их тепла, Альт задремал, засопел с хрипотцой. Под утро (Валерий вроде слышал) Альт неловко сполз на пол и забрался под диван. А утром...

Утром среди вольных просторов их стало двое.

1

За сорок лет у Георгия Васильевича Трефилова скопилось не-малое богатство — свидетельства о жизни знакомых ему современников на этой земле, то есть их светописные портреты.

Вот Юра Воробьёв на своём самом первом празднике — на родинах. А поскольку это был год шестьдесят второй, кажется, и не миновать ему было своего имени — Юрий; его тёзка, Гагарин, невольно заставил всё человечество по-новому взглянуть в надмирные высоты и, может быть, иначе глянуть на земное...

Вот Егор Демьянович Бондарев... Когда он медленно шёл по улицам Трубежа, мужики и бабы желали ему здоровья, величая по имени-отчеству; никаких там «дед» или «дедка» и прочее... Детвора тихонько обходила его стороной, видимо, ввиду его рослой мощной фигуры и огромных кулаков. Но был ли кто в округе безобиднее этого восьмидесятилетнего старика? Тихая полуулыбка под седыми усами, мерно гудящий в груди голос, василькового цвета глаза... — всё, скорее, располагало к себе встречного человека, чем настораживало. Уходящая натура, думал о нём ещё в ту пору Георгий Васильевич. Вот какие деды и прадеды были у нас! Проходили через многое и разное и оставались самими собою. Сейчас же посидел кто-либо два-три года в тюрьме — и всё, отвык от человеческой жизни. Нет в таком внутренней крепости. Снова лови его, милиция... А Егор Демьянович и в германскую воевал, и в Великую Отечественную, и румынский плен прошёл под Одессой... И кто о нём здесь хоть одно худое слово сказал? Кому он свои награды в глаза тыкал? Если бы не разговорчивые соседи, то и не знал бы о них никто. Живёт человек человеком.

Или вот тётка Настя... Дочь выросла, замуж выдала. Одна

в доме стеллаж с негативами и интересными (ему) отпечатками. Много это? Мало?

Утром, подравнивая ножницами бороду, он вспомнил ночной сон.

...Он вышел из районной библиотеки и направился к дому друга-одноклассника. На пустыре он заметил, что за ним увязались отъявленные бандиты. Они и не скрывали, что идут именно за ним. Наглые ухмылки. В руках ножи и молотки. Будут убивать, понял он. И стал карабкаться всё быстрее и быстрее на кучу гравия, которая возникла на его пути... А покалеченная нога всё чаще оступалась, оскальзывалась... Кирпичный дом, где на третьем этаже живёт его друг, вон он, рядом, рукой подать... А поганые, наглые рожи всё ближе, полукругом, гонят его, будто зверя...

Пустое, решил он, бессмысленный сон, тут нет и намёка на старость, нечто подобное снилось ему и в молодые годы... Что-то блеснуло в глубине зеркала, даже на миг ослепило... Нож?... Он вздрогнул. Фу т-ты, прости Господи! Да это же ножницы! Лучик попал...

— Не боишься? — раздался голос жены за спиной.

— Чего? — От неожиданности он опешил. — Старости?

— Какой старости, дурачок! — Жена рассмеялась. Он явно развеселил её. — Не боишься, говорю, что сорока тебя украдёт? Вон какой: рубашка белая, волосы сияют, борода сияет... Ну чем не ваше сиятельство? Весь молодой, звонкий!

— Сам чувствую что-то такое.

3

Трефилов. Георгий. Васильевич. Так... Морщин всего ничего. Глаза голубые, ясные. Нос... нос, как и прежде, прямой. Усы, короткая борода... Как у писателя... у этого, друга Фиделя... Так... Губы чётко, по-прежнему, держатся... Спину держит прямо. Плечи прямые, крепкие... Ну?..

4

— **Н**у и... Ну и чего вы желаете, ваше сиятельство? Наград? Почестей?

— Нет, не желаю.

— Другой судьбы?

— Не желаю.

— Счастья?

— Я уже подумал вчера... Я счастливый человек.

— Искупления грехов, если таковые были?

— Думаю, были. Но искупить грехи трудно. Наверное, очень даже трудно. Получится ли?

— Главное тут — осознание их, раскаяние и делание добра.

— ...

— Простите... Но сегодня воскресенье... И, может быть, стоит — любви и настроения ради — украсить стол графинчиком домашней настойки с вишнёвым листом?

— ...

— Надюша!..

□

Иван Алексеевич ТЕРТЫЧНЫЙ

родился в 1953 году в Курской области.

Окончил факультет журналистики МГУ.

Поэт, прозаик, переводчик.

Публиковался в журналах «Балтика», «Двина», «Дон», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник» и ряде других.

Автор книг: «И было утро», «Рядом», «Подорожная», «Когда-нибудь...», «Лунный снег», «Живая даль»

и сборника рассказов «Чёрная бабочка с белой оторочкой».

Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

